

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ

Утопизм и прагматизм российского реформаторства

(к 10-летию Закона о государственном предприятии)

Последнее десятилетие в России ознаменовалось резким ускорением хода истории. Множество событий, стремительные изменения нередко мешают выделить в этом "беге времени" действительно знаковые повороты судьбы страны, обуславливающие характер последующей трансформации. Одно из таких событий произошло 10 лет назад. И хотя оно поначалу не произвело особых подвижек в "российской экономической почве", тем не менее вызванные им глубинные "тектонические смещения", по сути, предопределили ход последующих экономических преобразований. Событие это - принятие летом 1987 года Закона о государственном предприятии (объединении), который, по мысли его разработчиков, должен был дать новый импульс советской хозяйственной системе, а на деле лишь спровоцировал ускорение ее деформации и в итоге крушение к 1991 году.

Экономисты, с прямо противоположных позиций оценивающие современные преобразования, в последние годы неоднократно высказывались о негативном влиянии этого закона на развитие экономической ситуации в России рубежа 80-90-х годов. Но почему мы пошли именно по этому пути и почему он оказался, как было модно тогда говорить, столь "судьбоносным"? Разумеется, можно дать не один вариант ответа на этот вопрос. Здесь же хотелось бы предложить одну из версий причин обнаружившегося глубокого несоответствия прокламируемых разработчиками целей и реально полученных результатов. Думается, истоки такого несоответствия следует искать в традициях российского социального реформаторства. Эти традиции за последние два века неоднократно проявлялись в теории. В случаях, когда дело доходило до их практического применения, результат оказывался чуть ли не прямо противоположным ожиданиям.

Российским социальным реформаторам, постоянно мечтавшим о коренном переустройстве существующего строя, было свойственно не просто стремление к некоему по сути утопическому идеалу, но и поиск в реальной жизни "кирпичиков", из которых, как им казалось, можно было сразу начинать строить здание мечты. Сочетание утопизма и прагматизма стало важной чертой развития социалистической мысли в России с 30-40-х годов XIX века. Не случайно из всех существовавших в то время в Европе социалистических теорий особой популярностью у нас стали пользоваться идеи Ш. Фурье. В его фаланстере первые русские социалисты, прежде всего петрашевцы, увидели нечто родное, более того - пригодное для немедленного претворения в жизнь. "Практическое движение, ушедшее тогда в книгу, рвалось снова из книги в практическую деятельность", - писал об этом периоде А. Герцен [1].

И пусть сам Герцен вышел из более подверженных поэтическим и философски

П л и с к е в и ч Наталья Михайловна - редактор отдела социально-экономических проблем журнала "Общественные науки и современность".

отвлеченным влияниям кружков московских социалистов, противопоставляемых им математически холодному практицизму петербуржцев, но именно он предложил теорию "русского социализма", явившую собой образец сочетания утопических идеалов с поиском тех точек реальности, благодаря которым этот идеал можно начинать воплощать "здесь и сейчас". По его собственному признанию, "славянскую общину начали ценить, когда стал распространяться социализм" [2, с. 460], нашли в ней ту материальную силу, благодаря которой Россия "становится почвой, наилучшим образом подготовленной для социального возрождения" [2, с. 469].

Благодаря сохранившимся у нас общинным традициям, считал Герцен, именно здесь можно гораздо легче перейти к общественной собственности социализма, нежели на частнособственническом Западе. При этом предлагалось воспользоваться заведомо архаическими формами, чтобы не повторять все объективно обусловленные этапы развития: "Что европейские гражданские формы были несравненно выше не только старинных русских, но и теперешних, в этом нет сомнения. И вопрос не в том, догоним мы Запад или нет, а в том, следует ли его догонять по длинному шоссе его, когда мы можем пуститься прямее" [3]. Так уже в середине XIX века пропагандировались преимущества "исторического бездорожья".

Причем такая пропаганда, сочетающая утопизм с прагматизмом, проявлялась прежде всего в социально-философском обосновании перехода к социализму через общину. Последняя принималась не просто как готовый элемент нового общества, а как материальная предпосылка перехода к такому обществу, которой предстоит измениться в процессе дальнейших преобразований. И коль скоро, согласно закону отрицания отрицания, "высшая ступень развития совпадает с его началом", "под влиянием высокого развития, которого известное явление отечественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты", - рассуждал Н. Чернышевский [4].

Но как ни звали Русь к топору первые "русские социалисты" и их идейные последователи — народники, революционного взрыва во второй половине XIX века не произошло. Поэтому их утопически-прагматические построения остались лишь на бумаге. Но парадокс российской истории заключается в том, что в результате Октябрьской революции 1917 года свой вариант утопически-прагматической конструкции довелось осуществить одному из наиболее яростных критиков народнических построений. В результате появилась советская экономическая модель.

Жизнь корректирует мечту

Ленинское направление марксистской мысли, пожалуй, можно было бы охарактеризовать как наиболее прагматичное революционное нетерпение. Быть может, именно жесткий революционный прагматизм стал той непреодолимой стеной, которая отделила большевиков от их внутримарксистских оппонентов, в той или иной степени склонявшихся к социал-демократии в современном понимании этого течения. Г. Плеханов и его последователи необходимым условием перехода к социализму считали эволюцию страны по капиталистическому пути с созданием в её ходе материальных предпосылок для перехода к новому обществу. В. Ленин как марксист также считал это существенным, однако для него всегда важнейшим был вопрос о власти. С помощью этого рычага ленинцы готовы были "перевернуть мир", ускорить ход истории.

И когда в 1917 году возможность захвата власти вдруг стала обретать реальные черты, классические марксистские идеи о необходимости этапа капиталистической эволюции, о невозможности победы социализма в одной (притом отсталой) стране и т. п. были отброшены. В новой ситуации охваченный революционным азартом Ленин стал искать в окружающей реальности такие экономические конструкции, которые могли бы помочь немедленно претворить в жизнь социалистическую мечту. И такие конструкции были найдены.

Наиболее удачное решение Ленин увидел в перестроенной для военных нужд экономике Германии, задеиствовавшей в экстремальной ситуации ряд рычагов, которые, по его мнению, способны были подорвать капиталистическое хозяйство с его эксплуатацией, бесконтрольной частной собственностью, товарно-денежными отношениями и т. п. "Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму" [5, с. 193].

Государственно-монополистический капитализм, по мнению Ленина, "есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*" [5, с. 193]. И для того, чтобы перейти с одной ступеньки на другую, он предлагает национализировать банки и синдикаты, принудительно объединять под государственным контролем союзы производителей и потребителей, регулировать потребление. Особо важна для него была национализация банков, ибо тогда государство «впервые получало бы возможность сначала *обозревать* все главные денежные операции, без утайки их, затем *контролировать* их, далее *регулировать* хозяйственную жизнь, наконец, получать миллионы и миллиарды на крупные государственные операции, не платя "за услугу" бешеных "комиссионных" господам капиталистам» [5, с. 165]. Крупные банки для Ленина - «тот "государственный аппарат", который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма». Надо лишь "отсечь то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его *еще крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлюще" [6]. И в результате рождается одно из определений социализма: "Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией" [5, с. 192].

Справедливости ради стоит отметить, что подобный ход мысли, по сути, является продолжением и развитием марксистских идей о концентрации и централизации капиталистического производства. Так, абсолютизируя данный процесс, один из лидеров австрийской и немецкой социал-демократии Р. Гильфердинг полагал, что "выполняя функцию обобществления производства, финансовый капитал чрезвычайно облегчает преодоление капитализма" [7, с. 475]. Согласно его концепции, "экономическая власть знаменует в то же время власть политическую. Господство над экономикой дает в то же время господство над политическими ресурсами государственной власти. Чем выше концентрация в экономической сфере, тем более неограниченно овладение государством. Это строгое сплочение всех сил государства является величайшим развитием его сил, государство становится непреодолимым орудием охраны экономического господства, а потому и завоевание политической власти становится предпосылкой экономического освобождения". В результате "в мощном столкновении враждебных интересов диктатура магнатов капитала превращается, наконец, в диктатуру пролетариата" [7, с. 478]. Разумеется, и Гильфердинг, и другие социал-демократы в начале века не могли предвидеть, что не только монополизация, но и антимнополистические тенденции окажутся в условиях капитализма достаточно сильными и что это позволит им сначала преодолеть пороки крайнего монополизма, а затем и перейти к посткапитализму.

Большевики же избрали развитие, связанное со сверхмонополизацией, и стали превращать в жизнь тот его вариант, который сложился в экстремальных условиях. Однако само происхождение взятой на вооружение модели обусловило и специфику формируемой на ее основе советской хозяйственной системы. Ведь она генетически была связана с обслуживанием потребностей военного времени, т. е. с ситуацией, когда нация напрягает все силы для того, чтобы решить одну задачу - победить врага. А в таких условиях на задний план отступают проблемы качественного удовлетворения разнообразных потребностей населения, причем с наименьшими издержками,

т. е. та самая "польза для народа", во имя которой и совершалась социальная революция. Вперед выдвигаются вопросы мобилизации всех имеющихся ресурсов на ключевом направлении для осуществления здесь прорыва любой ценой.

Советская хозяйственная модель работала именно так. Пропагандируемые ее сторонниками успехи (при этом цена их достижения, как правило, остается за скобками) связаны как раз с концентрацией всех сил страны на выбранных руководством направлениях, будь то индустриализация, обеспечение нужд фронта в годы войны или послевоенная гонка вооружений. И с самых первых лет советской власти вся материальная структура отечественной экономики стала формироваться на основе этого принципа. Все, что не служило осуществлению основной задачи, было обречено на прозябание. Такая линия была четко зафиксирована уже в резолюциях IX съезда РКП(б): "Подсобные для основной задачи каждой очереди производства должны быть развиваемы в меру действительной необходимости. Производства, не являющиеся безусловно необходимыми для основной задачи хозяйственного периода, могут быть поддерживаемы лишь постольку, поскольку их работа не препятствует проведению главной задачи. В силу этого текущие хозяйственные задания советских хозяйственных центров должны представлять собой не простую сумму учтенных потребностей и нужд, но должны с железной последовательностью вытекать из всего хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую эпоху" [8].

То, что ранее практиковалось в относительно краткие периоды экстремальных ситуаций, стало нормой повседневной хозяйственной жизни, породило особую жестко монополизированную экономическую систему. Однако для того, чтобы подобная система могла функционировать длительное время, необходимы не только богатейшие природные ресурсы, в какой-то мере компенсирующие издержки неэффективности, но и объединяющая по крайней мере значительную часть народа идея, которая способна убедить его безропотно переносить лишения, связанные с такой экономикой. Она должна была заменить материальные стимулы к труду, в данных условиях сведенные на нет, стать *внеэкономическим стимулом*.

Такой идеей стало провозглашение строительства нового общества, о котором мечтали гуманисты прошлого. Собственно, достижению этой цели и должны были служить государственно-монополистические "кирпичики". И беда всей страны, что нашедшие их мечтатели-прагматики не разглядели коренной связи так вдохновившего их "строительного материала" с экстремальной ситуацией военного времени. В результате прагматически используемая реальность стала диктовать свои условия, уродуя выдуманный идеал.

Тем не менее в предвоенные, да и в первые послевоенные годы мечтой о строительстве нового общества были искренне заворожены многие люди в нашей стране, прежде всего среди новой интеллигенции. Они действительно верили в благородство поставленной цели, а многое, не стыкующееся с ней в реальной жизни, списывали на трудности послереволюционной разрухи, на "издержки классовой борьбы" и готовы были во имя будущего терпеть лишения в настоящем. Кто-то же, равнодушный к социальным проектам, был увлечен невиданными ранее техническими задачами. Вспомним, в каких условиях возводились гиганты первых пятилеток, как трудились в годы войны и в период послевоенного восстановления народного хозяйства. Энтузиазм созидания нового был тогда вполне искренним. Тех же, кто был настроен более критично, от любых попыток протеста удерживал страх попасть под колеса репрессивной машины - еще один внеэкономический стимул к труду.

Правда, уже на заре советской власти принятая модель показала свою неспособность к обеспечению сколь-нибудь приемлемой жизни людей. Руководство страны вынуждено было пойти на временное отступление, перейти к новой экономической политике. Это было именно временным отступлением от первоначальных планов, вызванное слабостью власти, не способной в тот момент заставить еще не поработавших хозяйствующих субъектов, прежде всего крестьян, работать в соответствии с собственными замыслами. Но лишь только удалось более или менее наладить

жизнь в городах, оживить сельскохозяйственное производство, все силы были брошены на решение основных задач в соответствии с ранее принятыми планами и нэповские послабления оказались забыты. Тридцатые, сороковые, да и первая половина пятидесятых годов стали классическим периодом существования советской хозяйственной системы.

В эти же годы советская хозяйственная модель обрела свой собственный мощный *материально-технический фундамент* - ту реально существующую структуру производства с неповоротливыми предприятиями-гигантами, с гипертрофированным военно-промышленным комплексом и ущербным, просто не способным существовать в иных условиях производством предметов потребления и сельским хозяйством. Этот материальный фундамент стал огромной преградой для всех попыток дальнейших преобразований.

Зарождение новой утопии

В состоянии предвоенного и военного напряжения страна не могла пребывать бесконечно. Уже в середине 50-х годов по мере убывания энтузиазма строителей нового мира и страха тотальных репрессий внешнеэкономическая мотивация трудовой деятельности существенно ослабла. И без того крайне неэффективная хозяйственная машина, держащаяся исключительно за счет огромных природных богатств и сказочно дешевого труда, работала со все большими и большими перебоями. Правда, в то время у абсолютного большинства ученых и хозяйственных руководителей не было и тени сомнения в огромном потенциале советской хозяйственной системы. Ведь по темпам роста производства СССР все еще существенно опережал развитые страны Запада. Это признавалось и зарубежными специалистами. Так, в опубликованном в 1965 году докладе Объединенной экономической комиссии Конгресса США средний темп роста производства в СССР в 1958-1963 годах оценивался в 4,5%, тогда как по советским оценкам он составлял 9,3% (а американский в тот же период - 3,9%) [9]. То есть мы тогда даже имели какие-то основания для утверждений о возможности "догнать и перегнать" передовые страны Запада, опираясь на динамизм нашей системы.

Однако все больше и больше отечественные экономисты начинают подвергать сомнению абсолютизацию высоких темпов роста производства, которые, кстати, с начала 60-х годов начали заметно снижаться. Становилось очевидным, что при определенных условиях максимизация выпуска продукции уже не может быть самоцелью. Она перестает быть тождественной минимизации затрат и максимизации эффективности [10]. Самую большую озабоченность вызвало состояние сельского хозяйства и производства товаров народного потребления. А качественные изменения в этой сфере были необходимы для того, чтобы поднять крайне низкий уровень жизни.

Перед отечественными экономистами встала проблема: как дать советской экономической системе новый импульс, придать ей динамизм, прежде всего добиться качественного улучшения в деградирующих сельском хозяйстве и производстве товаров народного потребления, чтобы на этой основе резко поднять уровень жизни народа. Ибо в тот период резкое несоответствие декларируемых целей и реальности становилось уже опасным. События в Новочеркасске были, конечно, лишь эпизодом, но эпизодом показательным.

Вновь стали искать пригодные инструменты для достижения поставленной цели, которая при органично соответствующих друг другу материально-технических условиях, сложившихся принципах управления и устоявшихся приоритетах развития по сути была утопической. И такие инструменты, как казалось, были найдены. Идея была проста. В целом удачная советская хозяйственная модель недостаточно эффективна, слишком фондово-, материально-, энергоемка, в ней отсутствуют механизмы материального стимулирования работников. Следовательно, нужно имплантировать в нее такие механизмы, в принципе известные по реально действующей капиталистической модели. Развитие товарно-денежных отношений в рамках социализма должно было, по

мысли прогрессивных теоретиков 60-х годов, "вливать свежую кровь" в старые формы, заинтересовать работающих в повышении трудовой отдачи, создать условия для ресурсосбережения и, наконец, повернуть экономику лицом к человеку¹.

Идею о благотворности расширения использования товарно-денежных отношений восприняли многие, хотя и в разной степени. Утверждалось даже, что "социалистическое производство необходимо представляет собой род товарного производства" [11]. Однако и наиболее радикальные сторонники рынка отнюдь не противопоставляли его господствующим отношениям. Напротив, они считали, что союз плана, ассоциируемого с нашей экономикой, и рынка необходим именно для совершенствования советской хозяйственной системы. Так, Г. Лисичкин - "товарник", подвергавшийся, пожалуй, наиболее яростной критике за свои прорыночные взгляды, считал, что "признавать регулирующее влияние закона стоимости на экономику - это не значит умалять значение плана. Как раз наоборот, при таком подходе роль планов возрастает" [12, с. 63]. Более того, "план, будучи оторван от рынка, лишается того живительного источника, из которого черпаются его показатели, основанные на познании объективных процессов, лишается он и того оселка, на котором своевременно проверяется реальность и правильность его расчетов" [12, с. 53]. По сути, Лисичкин признавал и специфичность проявления у нас действия закона стоимости: "Общественная собственность на средства производства и вырастающая из этого возможность широкого, всеохватывающего планирования на базе изучения и предвидения процессов, происходящих на рынке, в корне отличают характер действия закона стоимости в условиях социализма" [12, с. 90].

Используя математические методы, экономисты рыночного направления стремились ввести элементы неопределенности в описание сознательно управляемой экономической системы. Так, Н. Петраков доказывал, что это не только не противоречит принципам централизованного планирования, но, напротив, позволяет раскрыть их содержательный смысл. Весь процесс прогнозирования и планирования должен был бы начинаться с тщательного изучения потребностей трудящихся, потребительского спроса и социальных нужд различных слоев населения. Таким анализом нужно было бы предварять определение народнохозяйственного критерия оптимальности. Этот анализ служил бы основой для корректировки данного критерия в ходе планомерного управления социально-экономическим развитием страны [13].

Но выстроить план на основе учета реальных потребностей населения не удалось. Этому противилась вся логика хозяйственной системы, концентрирующая усилия на магистральных направлениях и оставляющая почти без ресурсов все остальные. Этому противилась и сложившаяся к середине 60-х годов материально-техническая структура производства, сориентированная на решение прежде всего военных задач. За все годы правления Л. Брежнева лишь в 1966 году в директивах VIII пятилетнего плана (1966-1970 годов) развития народного хозяйства СССР предусматривалось развитие производства предметов потребления более ускоренными темпами, чем средств производства. Но это задание, как известно, было провалено. Удалось лишь несколько сблизить темпы роста производства средств производства и предметов потребления. В VIII пятилетке они составили 44% и 42% (в 1961-1965 годах эти показатели равнялись, соответственно, 40% и 28%, а в 1971-1975 годах - 41% и 37%) [14]. В дальнейшем два данные показателя еще более разошлись. Но и эта неудача не заставила задуматься об основах советской хозяйственной модели. Напротив, ее нашли вполне закономерной, так как превалирование в стране производства ради производства (прежде всего вооружений) вполне вписывалось в выведенный еще молодым Лениным "закон" опережающего роста производства средств производства и ускоренного развития средств производства для средств производства.

¹ Одновременно делалась попытка активизировать старые внеэкономические формы стимулирования, связанные с энтузиазмом. В этом плане следует рассматривать всю пропагандистскую кампанию по построению коммунизма к 1980-му году.

В целом, не признавая крайних воззрений, согласно которым социалистическое производство можно регулировать на основе свободных колебаний рыночных цен вокруг цены производства под влиянием соотношения спроса и предложения, советские реформаторы тех времен видели свою задачу "не в том, чтобы дать неограниченный простор закону стоимости и превратить его в регулятор социалистического производства, а в том, чтобы использовать закон стоимости как один из важнейших экономических рычагов планового руководства нашим народным хозяйством" [15, с. 240]. В исканиях того периода они пытались соединить несоединимое - жесткую сверхмонопольную систему, требующую безусловного перераспределения ресурсов в пользу выбранных приоритетов, и рыночные отношения, предполагающие эквивалентный обмен, само нарушение которого становится сигналом о наличии того или иного дисбаланса в производстве. Поэтому необходимость "встраивания" товарно-денежных отношений объяснялась и тем, что "централизованное управление и планирование не охватывает весь круг общественных потребностей, и неучтенные в плановом порядке потребности необходимо учитывать и удовлетворять через рыночный механизм, путем открытия для закона стоимости более широкого простора действия" [15, с. 100].

Пытаясь уйти от необходимости признания принципа эквивалентности обмена, некоторые исследователи предлагали заменить его принципом возмездности, так как в этом случае не надо будет придерживаться "обмена равных стоимостей" и допустимо "планомерное отклонение цен от стоимости". "В то же время возмездность предполагает возмещение производственных затрат и обеспечение соответствующей прибыли всем нормально работающим предприятиям" [16, с. 99]. Утверждения последовательных рыночников о том, что "отказать закону стоимости в его регулирующей роли - значит по существу отказаться от попытки экономично руководить хозяйством, превратить стоимостные категории в учетные" [17], встречали резкие возражения. Считалось, что закон стоимости "как регулятор несамостоятелен, выполняет подсобные функции" [15, с. 530].

Естественно, в таких условиях предпринятые попытки реформирования системы не могли не быть крайне робкими и половинчатыми. Это отмечалось и западными экономистами. Вот лишь одна цитата: "Сентябрьская реформа 1965 года выдвинула лишь половинчатые средства для устранения дефектов существующей системы. Автономия предприятия возросла, но сохранение централизованного снабжения практически свело ее почти к нулю. Введение платы за фонды и заинтересованность предприятия в прибыли отчасти потеряли свою эффективность в результате административного фиксирования цен" (цит. по [17]). Но и эта половинчатая реформа становилась все более и более формальной, первоначально задуманное сводилось к минимуму.

Причину такого поворота событий, конечно, можно объяснить и косностью тогдашних руководителей. В то же время нельзя не видеть и того, что сверхмонополизированная советская плановая система отторгает даже робкие попытки включения в нее рыночных отношений. Под их воздействием ее каркас начинает быстро подвергаться эрозии, нарушаются важнейшие рычаги государственного управления экономикой. В результате под угрозой оказывается вся хозяйственная конструкция. Монопольные принципы деформируются под воздействием рыночных, а за ослаблением экономической монополии начинаются посягательства на монополию политическую. Это отчетливо продемонстрировала попытка рыночного реформирования системы в Чехословакии, хотя один из ее идеологов О. Шик и называл свою программу программой "действительно по-ленински понимаемого хозрасчета" [19].

Партийные руководители тех времен довольно быстро почувствовали надвигающуюся опасность, и серьезные реформы были свернуты. Тем более что острая потребность в их ускоренном проведении была отодвинута благодаря появлению нового мощного ресурса экстенсивного развития - открытию и началу разработки гигантских сибирских месторождений нефти и газа. Получив новую подпитку, система могла еще какое-то время просуществовать не изменяясь. Все силы по-прежнему направлялись в ВПК, а углубляющиеся дисбалансы частично компенсировались за

счет нефтедолларов. В результате производственная структура еще более перекосилась. Если в 1940-м - предвоенном - году на долю предметов потребления приходилось 39% промышленного производства, то к 1960 году она сократилась уже до 27,5%. И в последующие годы она продолжала уменьшаться, составив в 1986 году 24,7% - беспрецедентный в мировой практике показатель [20].

По сути, экономическая реформа ограничилась введением "хозяйственного расчета" и принципов "материального стимулирования" работников. Однако даже эти незначительные корректировки основной конструкции экономической системы стали толчком к ее *деформации*. Квазирыночные показатели типа рентабельности или прибыли в реальности сталкивались с плановыми натуральными показателями. И нередко одно противоречило другому. Например, план "в тоннах" делал не только не нужными, но даже вредными для предприятия все попытки снижения материалоемкости продукции. Да и борьба за снижение себестоимости единицы продукции противоречила стремлению любой ценой выполнить валовые показатели плана в рублях. Жизнь предприятий по-прежнему ориентировалась прежде всего на вертикальные связи с вышестоящими руководящими органами.

Между тем даже легкие намеки на допущение "инициативы снизу" открыли дорогу процедурам так называемого "бюрократического торга". Постепенно все большие и большие пространства втягивались в "экономику согласований" и "бюрократический рынок" (выражения В. Найшуля). Договоренности по принципу "ты - мне, я - тебе" охватывали и горизонтальные отношения смежников, и вертикальные связи предприятий с отраслевым и партийным начальством. Все это подтачивало классические плановые отношения, разлагало старую "административно-командную систему".

Не менее значительные деформации претерпело советское хозяйство в результате перехода к "материальному стимулированию" работников. Нужное для такого шага резкое увеличение производства товаров народного потребления и продовольствия лишь в малой степени компенсировалось импортом из стран СЭВ. А отечественные "неприоритетные" предприятия этой сферы постоянно деградировали, не имея возможности нормально развиваться за счет собственной прибыли. И сегодня руководитель Автоваза В. Каданников в интервью резонно напоминает о том, что причины нынешнего тяжелого состояния завода нужно искать в тех прошедших годах. Именно тогда у предприятия забирали всю прибыль, не давая возможности нормально развиваться, проектировать и запускать в серию новые модели и т. п. Деньги требовались для других, "более важных" целей и соответственно перераспределялись. Так было, по сути, со всеми потребительскими товарами. Гигантские же суммы, расходуемые на поддержку сельского хозяйства, по сути, "отсасывались" смежными отраслями машиностроения, которое в таких условиях просто гнало "вал" тракторов, комбайнов и т. п. низкого качества, очень быстро выходявших из строя и требовавших замены. Таким образом, "производства, не являющиеся безусловно необходимыми для основной задачи хозяйственного периода", еще больше деградировали².

В результате люди не могли купить самого необходимого, поездки в столицу и другие крупные города за продуктами, карточки стали обычным явлением. Государство не способно было удовлетворить порожденный им же растущий платежеспособ-

- Более того, эти производства попадали в прямую зависимость от поступлений в страну нефтедолларов. Сосредоточенные на решении узкого круга задач, мы стали импортировать не только товары народного потребления, но и отдельные компоненты, а также оборудование для их производства внутри страны. Разумеется, это нормальная практика функционирования открытой экономики. Однако в закрытой отечественной экономике с монополизированной государством внешней торговлей при первых же перебоях с поступлением валюты от продажи сырья сразу начинались проблемы. Такая ситуация сложилась во второй половине 80-х годов, когда объемов валютных поступлений уже не хватало на покрытие всех нужд. И сразу начались перебои с поставкой запасных частей для работающих у нас импортных машин, даже типографской краски для отечественных типографий. В адрес Совета Министров шли отчаянные телеграммы руководителей производств с просьбами о выделении валюты. Такие требования часто можно встретить в газетах тех лет. Многие производства были на грани остановки или стали работать с перебоями.

собный спрос населения, особенно занятого в ВПК, где зарплаты были существенно выше, регулярно выплачивались крупные премии и т. п.

Часть этих денег переходила в "отложенный спрос" и в конце концов "сгорела" уже в годы открытой инфляции. Другая же часть находила продавцов нужных товаров и услуг вне официальных каналов. Привычными стали обращения к спекулянтам с целью покупки качественных товаров (как импортных, так и отечественных). Начало развиваться производство товаров широкого потребления в подпольных цехах или даже на государственных предприятиях как "дополнительная, неучтенная продукция" из "сэкономленного" сырья. Для получения разного рода услуг также приходилось доплачивать, а некоторые из них вообще можно было получить только у "подпольных предпринимателей".

Масштабы подобных явлений позволили говорить о формировании в стране *теневой экономики*. Но важно подчеркнуть, что ее становление и расцвет стали возможны только благодаря огромным денежным вливаниям, не подкрепленным соответствующими изменениями в структуре народного хозяйства. Теневики аккумулировали средства, "вбрасываемые" государством в экономику прежде всего через кассы военных предприятий и в качестве денежного довольствия представителям разных силовых структур. И к середине 80-х годов мы уже имели мощный сектор, ставший криминально-рыночной составляющей реальной экономики страны.

Проблема неэффективности советской хозяйственной модели продолжала обостряться. Новая мировая конъюнктура цен на нефть и газ привела к резкому падению валютных поступлений и очень болезненно отозвалась на крайне несбалансированном производстве. К первой половине 80-х годов руководству страны стало очевидно, что откладывать решение назревших проблем далее невозможно. Попытки хотя бы смягчить их андроповскими административными мерами по укреплению трудовой дисциплины и усилению ответственности результата не дали. Предложенная в начале правления М. Горбачева программа "ускорения" исходила из необходимости вложения гигантских средств в модернизацию машиностроения. Но таких средств, да и времени уже не было. Кроме того, программа эта с неизбежностью вела к еще большему углублению основной структурной деформации советской экономики - между огромным производством ради производства и ничтожным производством предметов потребления, а потому попытки ее реализации лишь усугубили бы ситуацию. А ситуация эта уже в середине 1987 года официально характеризовалась как "предкризисная" [21, с. 40].

Новая утопия реализована

И тогда была возрождена идея шестидесятников о синтезе плана и рынка, о создании "социалистического рыночного хозяйства". Неудачи предшествующих попыток объяснялись не глубинным несоответствием советского монополизма и рыночных принципов, а отсутствием должной настойчивости у предшественников. Их ошибки Горбачев видел в том, что попытки реформирования экономики 50-70-х годов "оказались неполными и непоследовательными, поскольку делали акцент на одни вопросы и упускали из виду другие. Да и, прямо скажем, предполагавшиеся решения были радикальными, половинчатыми, а порой и не затрагивали сути дела" [22, с. 81].

В половинчатости видел причину провала реформы 1965 года и Г. Попов, по мнению которого сам замысел этой реформы "заключал идею поллюбовного мира экономического и административного. Попытка эта завершилась победой той стороны, которая осталась более сильной - административной" [23, с. 624]. Правда, в отличие от многих авторов Попов уже тогда выводил тезис о половинчатости этой реформы за чисто экономические рамки и одну из ее ошибок видел в том, что "реформа исходила из идеи, что в стране возможно осуществить коренные экономические преобразования, не затрагивая социальную и политическую сферы жизни общества, не перестраивая механизма партийного руководства экономикой и механизма самой внутривнутрипартийной жизни" [22, с. 624]. В этом с ним был солидарен и Н. Шмелев, указывавший, что пре-

дыдущие реформы "захлебнулись потому, что неподвижной оставалась политическая структура общества" [24, с. 394].

Но преобразования мыслились Поповым в рамках социализма, правда, освобожденного от администрирования. В результате, по его мнению, "очистительная экономическая буря... смоеет все неэффективные предприятия... Хозрасчетные предприятия возьмут на себя всю ответственность (так как получают и все права) за сферу текущего хозяйствования. А освобожденный от подсчетов того, сколько нужно женских колготок такого-то размера, центр сможет бросить всю свою мощь на решение ключевых для будущего страны проблем: роботизация, компьютеризация, биотехнология, создание современных форм здравоохранения или просвещения" [23, с. 631].

Новой попыткой воплощения в жизнь старой идеи шестидесятников и стал Закон о государственном предприятии (объединении), принятый летом 1988 года и вступивший в силу с 1 января 1988 года. Разумеется, и у Горбачева не было ни малейшего подозрения, что предлагаемые им меры могут пагубно отразиться на самом существовании советской хозяйственной системы. В ответ на все же прозвучавшие в ходе обсуждения закона предложения об отказе от плановой экономики и санкционировании безработицы он вполне в традициях шестидесятых годов уверенно заявлял: "Мы не можем допустить этого, так как собираемся социализм укреплять, а не заменять его другим строем. То, что подбрасывается нам с Запада, из другой экономики, для нас неприемлемо. Мы уверены, что социализм, если по-настоящему привести в действие его потенциал, соблюдать его основные принципы, включать в полном объеме интересы человека, использовать преимущества плановой экономики, способен на гораздо большее, чем капитализм" [22, с. 84]. Его лозунгом стало: «Нам нужен не "чистый" доктринерский, выдуманный социализм, а реальный, ленинский социализм» [22, с. 95].

Утверждение несколько парадоксальное, так как реальной во всех социалистических странах была как раз хозяйственная модель советского типа, а отнюдь не нэповский эпизод в истории нашей страны, который с целью обоснования правильности и реальности рыночного реформирования подавался как истинно ленинский вариант строительства социализма. Опыт 20-х годов в качестве образца для реформирования пропагандировали тогда многие, демонстрируя, как разрешение рыночных отношений реанимировало отечественную экономику после "военного коммунизма". Однако при этом за скобками оставался такой немаловажный факт, как отсутствие у военно-коммунистического хозяйства собственного специфического материально-технического фундамента, устоявшейся системы управления хозяйством всей страны. Ведь "военный коммунизм" по сути можно свести к ограниченному набору административно-распределительных мер, еще не вживленных в хозяйственную ткань страны, которая с облегчением восприняла пусть и ограниченное возвращение к методам, еще привычным и для крестьян, и для уцелевших в годы революции и гражданской войны в основном мелким предпринимателям. Теперь же реформировать предполагалось уже построенную, достаточно органичную хозяйственную систему.

Считалось, что эта система без ущерба "впустит" в себя рынок. "Речь идет о рынке в условиях общественной собственности, планового хозяйства, того полного хозрасчета, о котором говорится в новой редакции Программы партии, рынке, основу которого составляли бы полноценные деловые отношения предприятий, равноправное и ответственное партнерство, договоры предприятий-поставщиков и предприятий-потребителей, учитываемые в народнохозяйственных планах", - так видел будущее популярный пропагандист реформы А. Стреляный [25].

Как утверждал один из непосредственных разработчиков Закона о государственном предприятии (объединении) А. Иваненко, внедрение основанных на рыночных принципах полного хозрасчета и самофинансирования "позволит создать современный хозяйственный механизм деятельности предприятия, обеспечивающий действенные внутренние стимулы его развития, побуждающий в работе исходить из интересов потребителя, всемерно экономить ресурсы, широко применять достижения науки и техники" [26, с. 10]. Он особо подчеркивал, что "все предусмотренные Законом преобра-

зования носят комплексный характер, создавая в совокупности качественно новый хозяйственный механизм" [26, с. 16].

Таким образом, к середине 1987 года линия на совершенствование социализма с помощью рыночных отношений была очевидной. Мы не ограничились попытками построения рыночного сектора рядом с государственным, да и в наших условиях "мирное сосуществование" таких секторов, думается, было невозможно. Деформации предшествующих лет, наличие развитых теневых структур привели к тому, что существенная часть организуемых при предприятиях кооперативов, совместных предприятий и т. п. процветали исключительно благодаря перекачке государственных средств в новый частный сектор. Директора же государственных предприятий требовали утвердить за ними *de jure* права, которые они в предшествующие годы медленной деформации старой системы постепенно приобретали *de facto*³.

Это и делал новый Закон о государственном предприятии (объединении). Им фактически "взламывался" важнейший элемент старой системы - хозяйственная вертикаль. План заменялся госзаказом, предприятие получало право самостоятельного заключения договоров с потребителями и поставщиками, могло устанавливать "договорные цены" и т. д. Правда, с 1 января 1988 года - времени введения закона в действие - многое осуществить не удалось. Мотивируя тем, что пятилетние задания уже утверждены, что снабженческие планы расписаны и т. п., министерства попытались затормозить внедрение инноваций в жизнь. Важнейшим инструментом для этого стала замена отмененного законом планового задания стопроцентным (а иногда и более) госзаказом. Чиновники министерств, по сути, в соответствии с генеральным замыслом - поставить рынок на службу социалистической хозяйственной модели - за короткий срок создали массу инструкций по "вписыванию" в данную модель норм нового закона.

Это не могло пройти незамеченным, и сторонники реформ забили тревогу. С одной стороны, протестовали сами директора предприятий, особенно тех, продукция которых пользовалась спросом. Ведь новый закон открывал перед ними невиданные ранее возможности. С другой стороны, экономисты стали требовать четкого соблюдения закона, так как резонно опасались повторения ситуации 60-х годов. Резкую критику Н. Шмелева вызвало и то, что госзаказы часто оказывались выше плановых заданий, и то, что министерства стали устанавливать нормативы отчислений от прибыли предприятий в свою пользу на уровне 80-90%, и то, что реальные возможности предприятий самостоятельно распоряжаться своими средствами оказались парализованы действующими ведомственными инструкциями, и то, что планируемые сверху показатели на деле стало больше. По мнению Шмелева, "складывается своего рода молчаливый заговор против перестройки, в котором интересы определенной части руководства на местах и ряда центральных ведомств все более сближаются" [24, с. 369].

Следствием такого натиска стало постепенное ослабление ограничений. Нормы закона начали действовать. Однако на деле оказалось, что произошло не "оживление" новых эффективных элементов в старую конструкцию, а проникновение внутрь ее существенных элементов другой, более жизненной структуры, не совместимой с основополагающими принципами старой советской системы⁴. Это вызвало к жизни ускоренный стихийный процесс ее распада. Предприятия, например, резонно стремились использовать к собственной выгоде появившиеся у них права по сбыту продукции инте-

³ А это были права, по сути, очень близкие к правам реальных собственников, не подкрепленные, однако, их ответственностью за эффективность работы предприятия и за риск провалов собственных решений. С этого периода и начался быстрый перехват менеджерами прав собственников, который впоследствии в условиях начавшейся приватизации лишь получил законодательное оформление.

⁴ Справедливости ради следует признать, что уже в тот период отдельные авторы, прежде всего Л. Пияшева и Б. Пинскер, уже начали говорить о несовместимости рыночных начал с социалистической хозяйственной моделью. Однако это была "крайняя" точка зрения, не оказавшая влияния на практическую экономическую политику. Да и их рекомендации сводились лишь к ускоренному выводу государства из сферы хозяйственной деятельности. Реальный же процесс перехода показал, что основные проблемы возникли как раз в связи с мучительными поисками государством своей новой роли. И даже последовательные сторонники либерализма выдвинули эту проблему в число важнейших [27].

ресующим их клиентам и по "договорным ценам". Они надеялись использовать новые возможности к собственной выгоде, но в то же время рассчитывая на традиционные выгоды от государственной системы снабжения по стабильным ценам. Однако так же думали и их поставщики... Система хозяйственных договоров сразу стала давать сбои. В результате все обернулось прекращением гарантированного снабжения при отсутствии в стране развитой рыночной инфраструктуры. К тому же потеря государством контроля за наличным и безналичным обращением привела к ускоренному развитию скрытой инфляции - дефицита. К 1991 году рубль как платежная единица котировался крайне низко. Страна пришла, по сути, к натуральным бартерным отношениям.

Кроме того, уже в 1989 году выяснилось, что рыночные послабления в наших условиях отнюдь не способствуют росту эффективности, т. е. тому, из-за чего они и вводились. "Экономисты долго боролись за расширение самостоятельности предприятий, видя тут столбовую дорожку к новому хозяйственному механизму. Предполагалось, что самостоятельность - безусловное благо, панацея если не от всех, то от многих бед, терзающих экономику. Теперь предприятиям значительная самостоятельность дана. Добросовестный наблюдатель обязан, однако, признать, что стало не лучше, а хуже. Заводские коллективы используют новые права во зло обществу: нахрапом поднимают цены на продукцию, беспардонно повышают зарплату, труднее стало размещать заказы на изделия дефицитные, но почему-либо невыгодные в изготовлении. Отсюда инфляция, окаянные нехватки товаров как личного потребления, так и производственного назначения. И, пожалуй, самое тревожное: предприятия неохотно вкладывают средства в обновление производственных фондов. Если так пойдет дальше, мы еще больше отстанем от развитых стран в научно-техническом прогрессе", - констатировал В. Селюнин [28, с. 217]. Было четко сказано, что попытки соединить несоединимое, оживить одну систему за счет внедрения в нее элементов другой системы обречены на провал. "Ясно, - писал Селюнин, - ни закона стоимости, ни самой стоимости, ни товарного производства при социализме не будет, социалистический рынок есть эклектическая утопия, заимствовать у капиталистического производства доброе, отбросив дурное, не удастся" [28, с. 209]. "Конкурировать на рынке могут только собственники рабочей силы, продуктов труда, средств производства. Когда все казенное, государственное, рынок будет или игрушкой, или прикрытием разграбления казны и общества, что мы сегодня и наблюдаем" [28, с. 218].

С других позиций, но по сути о том же заговорил с трибуны IV съезда народных депутатов СССР и один из инициаторов "скрещивания" плана и рынка Н. Рыжков, хотя причины неудач он видел не в объективных процессах, а в действии экстремистских элементов: "В 1985 году мы выдвинули задачу перестройки, содержанием и целью которой назвали обновление социализма, преодоление допущенных деформаций. Но она не удержалась на этой позиции под воздействием деструктивных сил, многие из которых (как сейчас совершенно очевидно) имеют целью изменить характер общественного строя. Это делалось под видом отказа от идеологии социализма, но на самом деле это была замена одной идеологии другой" [29, с. 23].

"Приоритет идеологии над экономикой - это не мелочь, не частность, не волюнтаризм, не глупость тех или иных руководителей, - восклицал далее Рыжков. — Это суть той модели, в которой мы жили, это ее устой" [29, с. 24]. Однако попытки ревнителей старой системы вернуться вспять были уже невозможны: слишком сильными оказались разрушительные последствия "прививки" чуждых ей принципов. Да и сам путь назад был бесперспективен⁵. Неэффективность старой конструкции рано или поздно вновь

⁵ Несколько иной была позиция ряда сторонников перевода страны на рыночные рельсы. Прекрасно представляя себе, сколь сложен и тонок современный рыночный механизм, и отдавая отчет о пагубных последствиях самопроизвольного распада советской хозяйственной модели под воздействием рыночных суррогатов, они также предлагали несколько отступить назад, но не для реставрации старого, а для того, чтобы начать основательную подготовку к переходу экономики на действительно новые принципы. Однако из их рецептов было совершенно не понятно, как можно "вырастить" рыночные регуляторы в нерыночной среде или рядом с ней.

подвела бы страну к порогу реформ, только в еще более сложной ситуации. Ведь не случайны были все поиски, начавшиеся еще в конце 50-х годов. Так что смена модели хозяйственного развития была неизбежна. К этой же цели идет и Китай, хотя и другой дорогой.

Наш же путь со всеми его сложностями был предопределен отчасти и тем, что к моменту преобразований мы подошли, не изжив иллюзий о возможностях советской хозяйственной модели. Впрочем, нельзя не отметить и того, что без подобных иллюзий преобразования были вообще не реальны. В таком случае крах системы скорее всего наступил бы с исчерпанием ресурсов экстенсивного развития и произошло бы это с гораздо большими издержками для населения, чем в нынешнем, также далеко не безболезненном варианте.

Надо сказать, что склонность к соединению иллюзий с реальностью проявилась и после осознания утопичности соединения плана и рынка. Сам рынок в заявлениях многих его сторонников того периода приобрел черты иллюзорного "общества мечты". Казавшиеся прагматичными упования на быстрое решение наших проблем на основе рыночной саморегуляции в российских условиях обернулись крушением очередной утопии. Поэтому и столь болезненно относимся мы сегодня к новой реальности, так не похожей на мечты недавнего прошлого. Во многом из-за этого взгляда, максималистски завышенных запросов мы нередко упускаем реально возможные пути улучшения ситуации.

Но гораздо хуже, если мы вновь подпадем под обаяние очередного утопического "проекта", использующего фрагменты действующих конструкций. Это может быть и попытка благодетельствовать "обнищавшие массы" на основе соединения старых советских принципов хозяйственного устройства с признанием рыночных отношений и даже частной собственности. Возвращение иллюзий "рыночного социализма" сегодня представляется особо опасным, тем более, что эти иллюзии живы у достаточно массовых слоев населения. Но у страны просто нет ни времени, ни ресурса прочности для новой попытки соединения несоединимого. Своими опасностями чревато и стремление к созданию тех или иных рыночных конструкций по тому или иному западному образцу (а иногда и смешивая эти образцы) без учета тех искажений, которые неизбежно вносит в проект отечественная специфика. Чем кончается такое конструирование, демонстрирует наша собственная история.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А.И. 1831-1863 // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. М., 1975. С. 168.
2. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. М., 1975.
3. Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские // Герцен А.И. О социализме. Избранное. М., 1974. С. 464.
4. Чернышевский Н.Г. Критика философских предубеждений против общинного владения // Собрание сочинений. В 5 т. Т. 4. М., 1974. С. 405.
5. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полное собрание сочинений. Т. 34.
6. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Полное собрание сочинений. Т. 34.
7. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1959.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1898-1925. М., 1953. С. 478, 479.
9. Сперанская Л.Н. Искажение буржуазными экономистами сущности централизованного планирования в СССР // Критика буржуазной политической экономии. Вып. 2. М., 1969. С. 163, 164.
10. Анчишкин А.И. Прогнозирование роста социалистической экономики. М., 1973.
11. Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. М., 1966. С. 387.
12. Лисичкин Г.С. План и рынок. М., 1966.

13. *Петраков Н.Я.* Кибернетические проблемы управления экономикой. М., 1974.
14. Политическая экономия. Экономическая энциклопедия. Т. 3. М., 1979. С. 168.
15. *Островитянов К.В.* Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 2. Вопросы политической экономии социализма. М., 1973.
16. Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства. М., 1971.
17. *Лисичкин Г.* Спустя два года // Новый мир. 1967. № 2. С. 181.
18. *Ольсевич Ю.Я.* Эффективность экономики социализма. М., 1972. С. 276.
19. *Шик О.* Новая система планирования и руководства хозяйством // Экономические реформы в социалистических странах. Прага, 1967. С. 152.
20. Народное хозяйство СССР в 1987 году. Статистический ежегодник. М., 1988. С. 84.
21. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25-26 июня 1987 г. М., 1987.
22. *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.
23. *Попов Г.* Перестройка управления экономикой // Иного не дано. М., 1988.
24. *Шмелев Н.* Новые тревоги // Если по совести. М., 1988.
25. *Стреляный А.* Приход и расход // Если по совести. М., 1988. С. 348.
26. *Иваненко А.* Фундамент перестройки управления // Общественные науки. 1987. № 6.
27. *Найшуль В.* Ключ к реформам находится в рыночной сфере // Общественные науки и современность. 1994. №4.
28. *Селюнин В.* Плановая анархия или баланс интересов? // Знамя. 1989. № 4.
29. Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Бюллетень № 5. 19 декабря 1990 г. М., 1990.

© Н. Плискевич, 1998